

Эльга Ширкова, магистрант 1-го года
обучения

Денис Канаев, магистрант 1-го года
обучения

Максим Юдаков, преподаватель
кафедры Практического
богословия

Куратор: доктор церковной истории
Н.Ю. Сухова

Богословие Евхаристии в византийской и русской традиции

Введение

Наш доклад посвящен истории становления и развития богословского учения о Евхаристии в византийской и русской традиции вплоть до богословских трудов XX в. Построен он в хронологической последовательности: первая часть посвящена учению о Евхаристии в Древней Церкви и в Византии (*Эльга Ширкова*); вторая часть - становлению русской евхаристической традиции с момента принятия христианства до XVII в. (*Максим Юдаков*); третья часть - богословию Евхаристии в России в XVIII – начале XX в., а также основным идеям богословов русской диаспоры (*Денис Канаев*).

I. Учение о Евхаристии в Древней Церкви и в Византии (*Эльга Ширкова*)

Учение о Евхаристии всегда было одним из самых твердых пунктов богословия, через призму которого рассматривались другие его области. При помощи аргумента «от Евхаристии» вскрывались догматические заблуждения: Адамантий обличал маркионитов, свт. Афанасий — ариан, свт. Кирилл — несториан, прп. Иоанн Дамаскин и свт. Никифор — иконоборцев.

Говоря о Евхаристии, христианские авторы подчеркивали христологические основания этого Таинства и его экклесиологические и сотериологические следствия. Центральными пунктами церковного учения о Евхаристии от самых ранних до самых поздних авторов были¹: 1) вера в тождество Евхаристического Хлеба и Вина историческим Телу и Крови Спасителя, 2) жертвенный характер Евхаристии, 3) Евхаристия как свидетельство единства Церкви, 4) понимание Евхаристии как дара бессмертия.

Следует отметить, что богословие Евхаристии не было простым теоретизированием, а всегда было нацелено на практику. Рассуждения о «причастнике», требования к нему или следствия приобщения к Таинству для него — неотъемлемая часть большинства святоотеческих текстов о Евхаристии.

1.1. Становление учения о Евхаристии в Древней Церкви (I–IV вв.)

Отдельные свидетельства о совершении Таинства в Древней Церкви мы находим в самых ранних источниках начиная со Священного Писания. Так, «Дидахе» (начало II в.) содержит древнейшую евхаристическую молитву и практические указания к участию в Евхаристии.

Характерной чертой ранних авторов является реалистическое понимание жертвенного характера Евхаристии и участия христиан в единожды принесенной Жертве Спасителя (мч. Иустин Философ, сщмч. Игнатий Богоносец). С единством Евхаристии они связывают и единство Церкви; при этом важна теснейшая связь Евхаристии со всем христианским учением: «наше учение согласуется с Евхаристией, и Евхаристия в свою очередь подтверждает наше учение» (сщмч. Ириной Лионский)².

Активное осмысление значения Таинства и его цели происходит в III–IV вв. В этот период поместные Церкви развивают разные аспекты богословия

---

¹ Конференция «Православное учение о Церковных Таинствах», 13–16 ноября 2007 г. Доклад Константина, еп. Тихвинского.

² *Св. Ириной Лионский*. Творения. М.: Изд. «Паломник», «Благовест», 1996. С. 365.

Евхаристии, однако в целом евхаристическое учение не вызывает разногласий среди христиан.

Важной темой является осмысление эkkлeсиoлoгичeскoгo и эсхатологического значения Евхаристии: это Таинство — залог единства Церкви как Главы и Тела (свт. Василий Великий), оно обращено в будущее (св. Ефрем Сирий).

Не менее важно для отцов Церкви сотериологическое значение Евхаристии: Евхаристия является центром христианской жизни, деятельным воспоминанием уникальной Крестной Жертвы, необходимым условием жизни христианина, залогом спасения и превосходит все другие дары (свт. Василий Великий, свт. Иоанн Златоуст, Феодор Мопсуэстийский). При этом авторы IV в. обращают внимание и на нравственные требования к причастникам: от причастника требуется святость жизни, страх, любовь и понимание смысла Таинства (свт. Василий Великий); ставится вопрос о причащающихся недостойно, в осуждение (свт. Иоанн Златоуст, блж. Августин).

Чинопоследование Литургии складывалось постепенно. В I в. Евхаристия соединялась с обычной трапезой и каждая раннехристианская община имела свою евхаристическую молитву. Со временем Евхаристию стали совершать отдельно, и уже к III в. обычной практикой стало вкушение евхаристических Даров только натошак. Евхаристическая молитва [греч. $\epsilon\nu\alpha\phi\omicron\rho$ — возношение] постепенно соединяется с другими молитвами и действиями. К IV в. в крупных центрах христианского мира существовали свои традиционные Анафоры, отличные друг от друга, называемые именем основателя кафедры (например, Анафора апостола Марка в Александрии). В течение IV–V вв. они были отредактированы святителями Василием Великим, Иоанном Златоустом, Кириллом Александрийским и приобрели окончательный вид; позднейшие Анафоры создавались по их образцам.

1.2. Систематизация учения о Евхаристии в связи с христологическими и иконоборческими спорами (V–IX вв.)

Христологические споры V в. выявили потребность в систематизации учения о Евхаристии, поскольку именно на этом поле выяснилось существенное различие между православным и несторианским богословием. Еще Феодор Мопсуэстийский писал, что причастник воспринимает плоды Причащения окончательно только после воскресения, и его взгляды повлияли на последующее антиохийское евхаристическое богословие. Несторий и его последователи отрицали действительность преложения Святых Даров, что побудило свт. Кирилла Александрийского развить тезис о невозможности спасения без евхаристического соединения со Христом и участия в Его Жертве³. Приобщение животворящему Телу Господа освящает причастников и изгоняет из них смерть, Евхаристия, как телесное единение со Христом, необходима для нас, пребывающих в теле. Это учение было подтверждено V Вселенским Собором.

Синтез святоотеческого учения о Евхаристии был осуществлен в первые десятилетия VIII в. прп. Иоанном Дамаскиным⁴. Прп. Иоанн считал основанием для Евхаристии установительные слова Спасителя, однако тайносовершительное значение имеет Святой Дух: хлеб становится (γίνεταί) Телом Христовым, а вино и вода — Кровью Христовой осенением и совершением Святого Духа, «что превосходит разум и мысль». Прп. Иоанн радикально утверждает реализм в понимании Таинства и отказывается от символической терминологии («вместообразные» — ἑπιτύπτα)⁵.

Однако евхаристические споры вспыхнули с новой силой в иконоборческую эпоху. Иконоборцы учили о Евхаристии как о единственно возможном образе (εἰκόων) Христа, откуда следовало учение об обожении евхаристического хлеба не по природе (κατὰ φύσιν), а по положению (θέσει),

---

³ «Если кто-либо не исповедует, что Плоть Господа является животворящей и собственной Самому Слову Бога Отца, но (мыслит о ней как о принадлежащей) как бы кому-то другому, отличному от Него и соединенному с Ним по положению, то есть сделавшемуся лишь обиталищем Божества — а не исповедует, как мы сказали, [Плоть Его] животворящей, так как она стала собственной Слову, могущему все животворить, — анафема» (*Свт. Кирилл Александрийский. Анафематизмы. 11 // PG. 77. Col. 121*).

⁴ Точное изложение православной веры. Гл. 86.

⁵ «Хлеб и вино не есть образ (τύπος) Тела и Крови Христа — да не будет! — но само обоженное Тело Господа».

то есть, реальность Святых Даров ставилась под вопрос. В ответ отцами VII Вселенского Собора (787) и свт. Никифором Константинопольским было подтверждено тождество между евхаристическим Телом и собственным Телом Христа. Реализм по отношению к Святым Дарам сочетается у свт. Никифора, как и у других византийских авторов, с символизмом по отношению к Литургии в целом.

1.3. Евхаристическая полемика с латинством (X–XV вв.)

В поздневизантийский период в осмыслении Евхаристии на первый план выходят вопросы, разделившие Восточное и Западное богословие: вещество Таинства и время его совершения.

Тему о веществе Евхаристии впервые подробно развил прп. Никита Стифат († 1090), хотя отдельные сочинения на эту тему есть уже у прп. Ефрема Сирина в IV в. Византийские богословы утверждали необходимость совершения Литургии на «живом» хлебе, символизирующем человеческую душу Спасителя, оживотворение причастника и аскетическую жизнь христиан. Латинские богословы не придавали большого значения физическому качеству хлеба, так как после преложения речь не может идти об образе Тела Христова, но лишь о реальном присутствии всего Христа в Святых Дарах. Но прп. Никита Стифат ставил в зависимость от свойств евхаристического хлеба вкушение мертвого или живого Тела Христа.

Разногласие в вопросе о времени освящения Святых Даров обострилось в XIV в. Для восточной литургии кульминацией евхаристической молитвы всегда был *epiklesis* — призывание Святого Духа. По мнению же латинских богословов моментом освящения Даров было произнесение установительных слов. В ответ на латинскую критику св. Николай Кавасила и свт. Симеон Фессалоникийский развили православное учение о значении призывания Святого Духа для совершения Таинства. Опираясь на тексты отцов ранних веков и следуя преп. Иоанну Дамаскину, они считали установительные слова в анафоре основанием для совершения Таинства, действительную же силу, освящающую Дары, видели в присутствии Святого Духа. Этот же вопрос был

поставлен на Ферраро-Флорентийском Соборе, где православную позицию отстаивал свт. Марк Эфесский⁶.

Однако следует отметить, что среди православных были и иные точки зрения. Так, некоторые святые отцы подчеркивали значение установительных слов в анафоре. Патриарх Константинопольский Николай III Грамматик⁷ выражали идею об освящении Даров в момент поднятия их священником во время возгласа «Святая святым», ибо этим открывалось причащение духовенства и мирян и завершалась часть Литургии, относящаяся к освящению Даров. Кроме этого, на православном Востоке встречалось и мнение об освящении Даров до Великого входа, ибо многие делали земные поклоны переносимым Дарам, ошибочно считая их уже освященными. Это мнение осуждалось, например, святым Николаем Кавасилой⁸.

1.4. Частота причащения в Древней Церкви и в Византии.

Мнения о частоте причащения разнятся на протяжении всего рассматриваемого периода, хотя можно заметить тенденцию постепенного отхода от частого причащения. Так, во II–III вв. большинство отцов и учителей Церкви настаивают на необходимости частого причащения: еженедельного по воскресеньям (св. Иустин Философ) или даже ежедневного (Тертуллиан). В IV в. мнения разнятся: если свтт. Василий Великий, Феofil Александрийский, Иоанн Златоуст призывают причащаться часто, некоторые их современники уже считают это неосуществимым на практике. Блж. Августин считает, что правы и причащающиеся редко, если следуют наставлению ап. Павла (1 Кор 11: 27), и причащающиеся часто, поскольку Тело Господне необходимо принимать для ежедневного врачевания.

Прп. Феодор Студит в начале IX в. призывает монахов своего монастыря причащаться ежедневно, но лишь при условии самой тщательной подготовки

---

⁶ В частности, текст: «Изъяснение Божественной литургии: О том, что не только произнесением слов Спасителя освящаются божественные Дары, но последующими за ними молитвой и благословением священника, силой Святого Духа».

⁷ *Robert Taft. The Precommunion Rites. R., 2000. P. 217–223.*

⁸ *Robert Taft. The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. R., 1978. P. 213–214.*

к таинству. В своих дисциплинарных правилах он предполагает наказывать постом и поклонами тех, кто без явной причины отказываются причащаться в дни совершения Литургии⁹. Но X–XV вв. происходит окончательный отход от практики ежедневного причащения. Так, для прп. Симеона Нового Богослова ежедневное причастие оказывается неким исключением. Евергетидский Типикон конца XI в. позволяет «достойным» причащаться не более трех раз в неделю, а прочим — раз в неделю или реже.

Таким образом, Евхаристическая тема постоянно присутствовала в православном богословии, она затрагивалась в каждой значимой богословской дискуссии. По мере выяснения основных вопросов учения о Евхаристии (о Жертвенном характере Таинства, о тождестве литургических хлеба и вина историческим Телу и Крови) внимание богословов постепенно переходит на вопросы богослужебного характера. Активное развитие на последнем этапе Византии получают жанры символических и богословских толкований чинопоследования Литургии.

II. Становление русской евхаристической традиции (X–XVII вв.)

(Максим Юдаков)

2.1. Начало русской литургической традиции (X–XIII вв.)

Период становления русской литургической практики представляет особый интерес. В конце X в. Киевская Русь принимает христианство от Константинополя, однако русская литургическая традиция формируется на основе синтеза различных традиций Церквей Востока и Запада. Так славянские переводы греческого богослужения, которые Русь позаимствовала из Болгарии, отражали не константинопольскую, а периферийную традицию, характерную для Южной Италии и Греции с центром в Фессалониках.

Но в вопросах евхаристического богословия Русская Церковь на протяжении долгого времени следовала византийской мысли: так, ключевое догматическое значение в богословии Евхаристии, как и для византийцев, для русских имела «Беседа о Хлебе Жизни» (Ин. 6).

---

⁹ Послание 554. См.: *Robert Taft. The Decline of Communion in Byzantium.*

Среди древнерусской богословской литературы, относящейся к вопросам Евхаристии, наиболее распространенным жанром были литургические комментарии или символическое объяснение обрядов литургии. Но подобные толкования повлияли на способ участия в Литургии мирян: из живого участника Евхаристии мирянин постепенно превратился в созерцателя божественных символов. Определенную роль в отдалении молящихся от литургических действий духовенства отчасти сыграл и высокий русский иконостас.

2.2. Вопрос о времени освящения Даров (XIV–XVII вв.)

С XIV в., как уже сказано в первой части доклада, усилились споры православных и католиков о времени освящения Святых Даров. Однако после разрыва связи с Константинополем (1441) на Руси с большей осторожностью относились к богослужебным и богословским текстам Константинополя и обращались к своей древней традиции (XI–XIV вв.). Поэтому споры о времени освящения евхаристического хлеба и вина на Руси отразились в литургической практике уже в XVI–XVII вв., причем в нее попали разные точки зрения.

Так, в одном из сочинений — «Толковой службе»¹⁰ — говорится об освящении Даров после произнесения возгласа «Святая святым». Соответствующий отрывок из «Толковой службы» был включен в текст архиерейского чина литургии, то есть, имел особое значение для служивших иерархов. В комментариях к тексту Литургии архиерейских Служебников, напротив, присутствует мнение, что Дары к Великому входу уже освящены.

Однако в целом для русской литургической традиции была важна эпиклеза. В начале XV в. в русских Служебниках в эпиклезе Литургии — как свт. Иоанна Златоуста, так свт. Василия Великого — появляется тропарь Третьего часа¹¹. А в эпиклезу Литургии святителя Василия Великого

---

¹⁰ Красносельцев Н. Ф. «Толковая служба» и другие сочинения, относящиеся к объяснению богослужения в Древней Руси до XVIII века // Православный собеседник. 1878. № 5. С. 3–43.

¹¹ Тропарь Третьего часа — составная часть одной из служб суточного круга: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый: Того, Благий, не отъими от нас, но обнови нас молящих Ти ся» со стихами «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» и «Не

переносятся слова «Преложив Духом Твоим Святым» из Литургии святителя Иоанна Златоуста.

Таким образом, вплоть до XVI в. на Руси вопрос о времени освящения Святых Даров в целом не заострялся.

В XVII в. более четко определяются две точки зрения: освящение Даров во время епиклезы и освящение Даров еще до Великого входа, то есть, на проскомидии. Последнюю точку зрения отстаивали приверженцы старого обряда: с их точки зрения, освящение Даров происходило именно на проскомидии, сама же Литургия играла роль символического «рассказа» о жизни Иисуса Христа. Однако подавляющее большинство иерархии в это время разделяло греческое мнение об освящении Даров во время епиклезы.

Во 2-й половине XVII в. вопрос о времени освящения Даров в России обостряется. Из Малороссии католическое влияние проникло в Великороссию, и в московские издания Служебника и Чиновника архиерейского служения были включены указания на благословение хлеба и потира при произнесении установительных слов. В завязавшийся спор включились и присланные в 1675 г. в Москву греческие иеромонахи братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Заметим, что незадолго до этого, в 1672 г., в Константинополе состоялся Собор, который сформулировал православную позицию по вопросу богословия семи таинств и подтвердил освящение Даров во время произнесения священником слов: «...и сотвори убо Хлеб сей...». Этот Собор интерпретировал три фразы, произносимые священником при троекратном крестообразном осенении во время епиклезы анафоры Литургии святителя Иоанна Златоуста, как православный эквивалент латинской тайносовершительной формулы таинства Евхаристии.

В результате русского спора о времени преложения Даров вопрос был подробным образом изучен с привлечением святоотеческого наследия и литургико-канонической литературы. В 1690 г. Московский собор утвердил

отвержи мене от Лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими от мене» (См. Часослов. Москва, 2009. С. 80).

православное учение об освящении Даров во время эпиклезы, осудив противоположный взгляд как «хлебопоклонную ересь»¹². По указу Патриарха Московского Адриана в издании Служебника 1699 г. из текста Литургии святителя Василия Великого была удалена рубрика о главопреклонении и благословении священником Даров в момент произнесения установительных слов.

2.3. Дискуссия по вопросу о пресуществлении Святых Даров в XVII в.

В XVII в. в русском богословии встал еще один сложный вопрос, связанный с Евхаристией. В 1629 г. патриарх Константинопольский Кирилл Лукарис от имени Восточных Патриархов выпустил «Восточное исповедание христианской веры», где отвергал идею пресуществления Даров и истолковывал присутствие Христа в Евхаристии в «духовном» смысле. На это «Исповедание...» был дан ответ не только греческими, но и южно-русскими богословами. Так, митрополит Киевский Петр (Могила) и игумен Исайя (Козловский) составили «Православное исповедание веры кафолической и апостольской Восточной Церкви», в котором говорилось о присутствии «таинственным образом в Божественной Евхаристии» Сына Божия, Бога и человека «по пресуществлению». Авторы прямо писали, что «существо хлеба прелагается в существо Святаго Тела Его, и существо вина в существо драгоценная Его Крови». Поэтому Святую Евхаристию мы должны почитать и уважать столько же, сколько и Самого Спасителя нашего Иисуса.

Тема не получила продолжения в эти годы, но в дальнейшем оказалось, что само слово «пресуществление» церковные деятели и богословы понимают по-разному, и вопрос о «пресуществлении» станет одним из дискутируемых в православном богословии.

Таким образом, в целом учение о Евхаристии было воспринято Русской Церковью из православного византийского богословия, отдельные же его

---

¹² *Миркович Г.* О времени пресуществления Св. Даров. Спор, бывший в Москве, во второй половине XVII-го века. Вильна, 1886.

аспекты, не до конца ясные, обсуждались по мере развития русского богословия.

III. Богословие Евхаристии в России в XVIII — начале XX века (Денис Канаев)

3.1. Евхаристическое богословие в России XVIII в.

В XVIII в. евхаристическая тема звучит в русском богословии довольно слабо. Так, архиепископ Феофан (Прокопович) († 1736) затрагивает учение о Евхаристии в полемическом ключе. У католиков преосвященный Феофан осуждает учение о тайносовершении «ex opere operato» и термин «пресуществление». Соответствующие соборные формулировки, принятые и в католической Церкви и православными Соборами XVII в., по мнению архиепископа Феофана, не отвечали на вопрос, как совершается Таинство, а лишь противостояли еретикам, отвергавшим сущностное изменение Святых Даров¹³.

Однако остальные авторы XVIII в. подтверждают сформировавшееся к тому времени православное учение о Евхаристии: освящение Святых Даров призыванием Святого Духа, тождество евхаристического и исторического Тела Христова, причащение всех христиан под двумя видами (митрополит Московский Платон (Левшин) (†1812))¹⁴.

3.2. Учение о Таинстве Евхаристии в России в XIX в.

В богословии XIX в. прежде всего следует обратить внимание на учение о Евхаристии в катихизисах (свт. Филарета (Дроздова)) и догматических системах (архиеп. Антония (Амфитеатрова), митр. Макария (Булгакова), свт. Филарета (Гумилевского), еп. Сильвестра (Малеванского), прот. Николая Малиновского)¹⁵.

---

¹³ Учение о Евхаристии изложено в 3-м томе его Догматики (*Theophanis Prokopowicz. Christianae orthodoxae Theologiae in Academia Kiowiensi adornatae et propositae. Lipsiae, 1793. Vol. 3. Lib. 12. Cap. 6. P. 594–684.*)

¹⁴ Платон (Левшин), иером. Православное учение, или Сокращенная христианская Богословия.

¹⁵ Антоний (Амфитеатров), архим. Догматическое богословие православной католической Восточной Церкви с присовокуплением общего введения в курс богословских наук. Киев, 1848; Макарий (Булгаков), еп. Православно-догматическая богословия: В 5 т. СПб., 1849–1853; Филарет (Гумилевский), архиеп. Православное догматическое богословие. Чернигов, 1852; Сильвестр Малеванский Опыт православного догматического богословия с историческим изложением догматов: В 5 т. Киев, 1878; Малиновский Николай, прот. Православное догматическое богословие: В 4 т. Сергиев Посад, 1895–1910.

Все авторы этих трудов согласно считают, что пресуществление Даров происходит в момент призвания Святого Духа, но свт. Филарет (Дроздов) и архиеп. Антоний подчеркивают важность и установительных слов как основания для совершения Таинства Евхаристии, а митр. Макарий, свт. Филарет (Гумилевский) и еп. Сильвестр считают, что важна вся Анафора как одно непрерывное действие.

Внимание авторов обращается и на сам термин «пресуществление». Так, свт. Филарет (Дроздов), следуя «Изложению веры Восточных Патриархов», пишет, что «словом «пресуществление» не объясняется образ, которым хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Господню... но показывается только то, что истинно, действительно и существенно хлеб бывает самым истинным Телом Господним, а вино — самой Кровию Господней». Свт. Филарет (Гумилевский) выступает против термина «пресуществление», который, по его мнению, выражает стремление рационально изъяснить преложение Даров в Тело и Кровь Господни, что сделать невозможно. Прот. Н. Малиновский делает акцент на том, что Хлеб и Вино «сущностно» прелагаются в истинные Тело и Кровь Спасителя.

Следует отметить и труды русских ученых-литургистов конца XIX — начала XX в., в которых не только была подробно исследована история Литургии и Таинства Евхаристии, но и поднят ряд вопросов, актуальных и по сей день: пресуществление вина в Кровь на литургии Преждеосвященных Даров, наличие епиклезы в древней Церкви и др.

Богословием Евхаристии в интересовались также русские мыслители XIX–XX вв., пытавшиеся решить богословские проблемы на философском уровне, но о них будет говориться в нашем втором докладе.

3.3. Развитие евхаристического богословия в трудах русской диаспоре XX в.

Определенный вклад в развитие богословия Евхаристии был внесен богословами русской диаспоры, прежде всего, представителями Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, которые развивают так на-

зываемую «евхаристическую экклесиологию», хотя этот термин многие богословы считают неудачным.

Так, протопресв. Николай Афанасьев († 1966) называет Евхаристию не «одним из Таинств», а Таинством самой Церкви. Он видит в Евхаристии собрание местной Церкви, которое актуализирует всю Церковь со всеми ее проявлениями. Архим. Киприан (Керн) († 1960) подчеркивает вневременность и универсальность Евхаристии: соединение в одном моменте и прошлого, и настоящего, и будущего, от творения мира до Второго и Страшного Пришествия; соединение в одном Жертвоприношении Единого Тела всех разрозненных частей вселенной. В Евхаристии, пишет архим. Киприан, Жертва является и Первосвященником, Она и Приносяй и Приносимый; это есть жертва нашей благодатности Богу, нашей евхаристичности. В этой евхаристичности соединено все молитвенное собрание, вся Церковь¹⁶. Протопресв. Иоанн Мейендорф († 1992) подчеркивает значение Евхаристии как реального общения со Христом, значение «экзистенциального» и эсхатологического аспектов богословия Евхаристии.

И архим. Киприан, и протопресв. Иоанн Мейендорф высказывают свое негативное отношение к термину «пресуществление». О. Иоанн считает, что, имея латинское происхождение, этот термин не может выражать православного богословского смысла Евхаристии: «у византийских богословов невозможно найти случай употребления термина «сущность» (οὐσία) в евхаристическом контексте»¹⁷.

Из богословов русской диаспоры следовало бы упомянуть еще протопресв. Александра Шмемана († 1983) — «рыцаря Евхаристии», но о нем будет рассказано во втором докладе.

Вопрос о частоте причащения в русской церковной традиции мы опускаем, так как он был рассмотрен в докладе прот. П. Хондзинского и будет рассмотрен дополнительно в нашем третьем докладе.

---

¹⁶ Киприан (Керн), архим. Евхаристия. Париж, 1947.

¹⁷ Мейендорф Иоанн, протопресв. Византиское богословие: Исторические направления и вероучение. М., 2001 (оригинал на английском языке: New York, 1974).

* * *

В заключение можно отметить, что, несмотря на преемство с византийским учением о Евхаристии, русское богословие внесло в это учение немало уточнений, конкретизировало ряд сложных богословских моментов, но открыло и перспективы для дальнейшего изучения и осмысления Таинства в научно-богословском и церковно-практическом отношениях.